
Искусствоведение

*Издание Государственного института искусствознания
и Научного совета
по историко-теоретическим проблемам искусствознания
Отделения литературы и языка
Российской Академии наук*

1/98

Журнал по истории и теории искусства

*Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество»*

Москва

Виолетта Гудкова

Павел Сергеевич Попов: личность и судьба

Данная статья является попыткой показать на примере одной судьбы драму раздвоения сознания, вынужденного лучшие, ярчайшие свои качества обнаруживать лишь в частной жизни, устной беседе, частном эпистолярии. Другими словами, в конкретной последовательности проследить формирование жизненных шагов и публичных жестов — равно как и отказа от них — образа социального действия интеллигента в советскую эпоху.

Имя П.С.Попова в среде литературоведов стало известным в середине 1970-х годов, когда в печать попали отдельные фразы из его переписки с М.А.Булгаковым, обретшим в те годы мировую славу. При этом переписывались и ходили по рукам лишь булгаковские письма — встречные тогда мало кого интересовали. Между тем, сохраненные адресатом, они оказались замечательными и, рискну сказать, временами не уступающими письмам гениального друга¹. Попов был членом комиссии по литературному наследству М.А.Булгакова, и ему же принадлежит первая биография писателя, написанная сразу после его смерти, еще в 1940 году, но опубликованная впервые лишь спустя почти полвека².

До сих пор личность и судьба этого человека мало известны. А между тем Павел Сергеевич был причастен ярким явлениям русской культуры. Был одним из близких друзей Михаила Булгакова (их переписка продолжалась почти полтора десятилетия). Сестрою П.С.Попова была художница-конструктивистка Любовь Попова, а женой — внучка Льва Толстого. Собственная же научно-преподавательская карьера Попова, начавшись еще в гимназии Поливанова, успешно продолжалась в стенах ГАХН, а завершилась, уже в начале 1960-х, на факультете философии МГУ.

Павел Сергеевич Попов родился 9 (22) августа 1892 года в семье купца Сергея Максимовича Попова, человека деятельного и просвещенного. «Предприятие» Сергея Максимовича носило название «Товарищество М.Попов с сыновьями», главным в нем была Ивановская фабрика сукон. Кроме управления фабрикой, С.М.Попов с энтузиазмом отдавался земской деятельности, исполняя обязанности секретаря земской управы. В мемуарах, написанных им в 1921

году, автор так передавал свое ощущение прежней жизни: «...нравственно удовлетворенный исполнением своих общественных обязанностей, занимался составлением протокола Земского собрания (посылая иногда сведения в Русские ведомости).

Боже! Какие широкие и светлые перспективы будущности России носились в моей голове, когда я сознавал себя полезным членом такого невиданного во всем мире (по альтруистичности) учреждения, как русские земские! Как я волновался, бывало, когда консервативная партия, при подсчете голосов, оказывалась в большинстве. Да, хорошая это была школа общественности, хотя и не оправдала она тех надежд, кои возлагались на нее в смысле благоденствия будущей России. Впрочем, может быть, настанет время, когда о земстве вспомнят с благоговением».

И в самом деле, о земстве вспомнили в России — но когда самого Попова-старшего уже более сорока лет не было на свете. Заканчивая записки накануне своего 60-летия, мемуарист писал: «Невольно скажешь: „Неужели неусыпные труды отца и братьев могли быть так бесследно аннулированы и опорочены, как это случилось после переворота в октябре 1917 года. И неужели они ошибались всю жизнь“... Нет, этому я не верю...»³ — убежденно восклицал автор, несмотря на то что не мог не видеть, как рушится все то, на что было положено столько трудов.

В 1902 году Павла Попова отдали в гимназию в Ялте (Поповы жили там зимой). А в 1906-м семья переезжает в Москву, и четырнадцатилетний Павел поступает в 5-й класс частной гимназии Поливанова. Живут они в собственном доме на Новинском бульваре, лето же проводят в отцовском имении Красно-видово.

Детей в семье было четверо, и всем родители дали блестящее образование: сыновья кончили университетский курс, дочери — Высшие женские курсы. Непременным элементом, завершающим образование, стало совершение заграничных поездок — в Грецию, Италию, Египет⁴. В жизнь входила классическая поросль просвещенной купеческой семьи: музыковед, философ, художница и библиотечкарь. Проживший длинную жизнь в девять с половиной десятилетий, известный историк культуры и религиозный философ А.Ф.Лосев, по свидетельству его вдовы А.А.Тахо-Годи, «всегда вспоминал с теплом и печалью родительскую семью П.С.Попова, дух живописи, музыки, философии и просто изящной, красивой жизни, там царившей»⁵.

Самой известной из «младших» Поповых была, без сомнения, сестра Павла Сергеевича, Любовь Сергеевна Попова⁶. Талантливая художница, создавшая знаменитые «конструкции» к спектаклю Вс.Мейерхольда «Великодушный рогоносец», дружившая с А.Экстер, несмотря на нелепо раннюю смерть, успела оставить немало живописных и графических работ, хорошо известных ныне художественному миру. Брат, музыковед Сергей Сергеевич Попов, ученик композитора Гречанинова, в 20-е годы был членом музыкальной секции ГАХН (в частности, разбирал архив С.Танеева⁷). Арестован, сослан, расстрелян. Вторая сестра Павла Сергеевича, библиотечкарь Ольга Сергеевна, служившая в «конторе» Большого театра, — выслана из Москвы⁸. Так рассыпалась большая семья Поповых в 30-е годы.

В 1910 году Павел Сергеевич поступил на историко-филологический МГУ, где в то время преподавали такие заметные, крупные фигуры, как профессора Г.И.Челпанов, Л.М.Лопатин. Уже со следующего года он начал публиковаться в «Голосе минувшего», выступая с рецензиями на работы А.Бергсона, статьями о творчестве Ф.Достоевского, Л.Андреева и т.д. Кроме этих занятий, начал преподавать в гимназии Поливанова.

Сохранились ранние конспекты Попова, по которым можно судить о том, какие именно эстетические и философские проблемы занимали его более других. Особое место в тоненьких ученических тетрадках занимают выписки из Шлегеля, Шеллинга. В 1910-е годы Попова захватывает философия романтизма. «Сила воображения открывает сокровенную святину, где в вечном и непосредственном соединении пылает в одном пламени то, что раздельно в природе и истории»; либо: «Мир есть бессознательная поэзия духа... Что бессознательная продукция созидает до разрыва, то гений созидает после разрыва, после освещения внутреннего и внешнего бытия сознанием, после чувства неизмеримого разлада»⁹ — это мысли, вторящие размышлениям молодого философа. Проблемы дуализма, соотношения кажущегося, видимого — и скрытого, истинного, «двумирность» человеческого существования, постижение поэзии мира и сущности гения — темы, тесно связанные с искусством романтизма. Эти выписки помогают понять, отчего именно Попову удалось раньше других оценить масштаб дарования Булгакова, во многом следовавшего традициям и «духу» романтического искусства.

Среди пристально изучаемых Поповым источников, кроме обязательных Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля, Эпикура и Декарта, Спинозы и Фрейда, еще и Зольгер, Шпенглер, Гуссерль, В.Соловьев, К.Леонтьев, Вас.Розанов...

В 1915 году Павел Сергеевич, окончив университет, был оставлен при МГУ. Лето 1918-го семья в последний раз проводит в Красновидово. Осенью того же года отцовскую фабрику реквизируют.

В 1921 году Павел Сергеевич выдерживает магистерские испытания при Московском университете и получает звание доцента. Начинает сотрудничать и с кооперативным издательством «Задруга». Примерно в это же время (с 1922 года) начинаются регулярные встречи приверженцев религиозного направления (имяславцев) на квартирах у А.Ф.Лосева и у П.С.Попова. По свидетельству А.А.Тахо-Годи, именно у П.С.Попова «однажды читал имяславский доклад о.П.Флоренский»¹⁰. Возможно предположить, что именно от Попова узнал о существовании труда философа «Мнимости в геометрии» и Михаил Булгаков, который читал его с особым вниманием. Имя Павла Попова стоит и под сохранившимся в «Деле» А.Ф.Лосева на Лубянке документом, провозглашавшим основные догматы имяславцев как приверженцев «истинного православия»¹¹.

Религиозные собрания проходят в свободное от службы время. Внешняя же жизнь идет своим чередом. На заседании ГАХН 19 мая 1923 года П.С.Попов избирается действительным членом Академии по сектору философии¹². В том же году умирает его мать Любовь Васильевна, урожденная Зубова. Год спустя, заразившись дифтерией от своего маленького сына, умирает сестра, Любовь Попова.

В фонде ГАХН сохранено «Личное дело» П.С.Попова, начатое в 1924 и оконченное 5 декабря 1930 года¹³.

Из «Личного дела» П.С.Попова.

На вопрос анкеты, каковы «основные занятия, дающие средства к существованию до февральской революции», отвечено: педагог среднеучебных заведений. До Октябрьской революции — то же. С Октябрьской революции по настоящее время — «ученая и педагогическая работа в средней и высшей школе (Нижегородский Государственный университет, Институт народного образования, Исследовательский институт при МГУ и др.). На вопрос о социальном происхождении Попов отвечает: «Сын потомственного почетного гражданина». И тут же сообщает, что ныне (анкета заполнялась 29 августа 1924 года) отец состоит «ученым архивистом и библиотекарем», внештатным сотрудником ГАХН. «После революции 1917 года и начавшейся перестройки в СССР всей науки началась перестройка и научной деятельности Павла Сергеевича. От разработки философских проблем гносеологического порядка он стал постепенно переходить на проблемы логики, на литературоведение... Для себя же углублялся в чтение ранних христианских философов (Фома Аквинский) и философию Средневековья (блаженный Августин)», — так объясняла смену научных пристрастий Попова его двоюродная сестра А.М.Шуберт¹⁴.

Христианин, с юности поглощенный проблемами бытийственности, смысла жизнестроения, пытающийся осмыслить человеческую жизнь в ее глубинном значении пребывания на земле, Попов был вынужден отыскивать сравнительно свободные от прямого противостояния обязательному вульгарно-атеистическому миропониманию области гуманитарного знания. Его прибежищем стало литературоведение, в частности пушкинистика, и работа над 90-томным собранием сочинений Л.Н.Толстого, к которой его привлекла жена, внучка Льва Николаевича, Анна Ильинична Толстая¹⁵.

С А.И.Толстой-Хольмберг, которой суждено будет сыграть значительную роль в судьбе Попова, Павел Сергеевич знакомится в 1925 году в Евпатории. 24 ноября 1926 года происходит венчание¹⁶, и Толсто-Поповы, как их будут шутливо называть близкие, поселяются в Плотниковом переулке. Их уютный, набитый книгами подвальчик будет любовно описан в романе, которым спустя три десятилетия будет зачитываться мир, — на страницах булгаковского «Мастера и Маргариты»¹⁷.

Основательный фундамент философского образования сказался в литературоведческих работах Попова. В нетривиальности выбора темы исследования — как, например, в статье, где Попов рассматривает влияние романов Жорж Санд на творчество Достоевского, т.е. писателя «третьестепенного» — на мировую величину¹⁸. Подобный ракурс исследования не был принят в советском литературоведении вплоть до самого последнего времени. Ранжир у нас соблюдался весьма строго. В свободе рассмотрения и отсутствии чрезмерного пietetа при анализе творчества Толстого. В брошюре, изданной ГАХН в 1929 году («Иностранные источники трактата Л.Толстого „Что такое искусство“») ученый показывает, что трактат этот, скорее, видимость исследовательской работы — на деле же не что иное, как изложение собственных идей писателя. Толстой не столько апеллирует к первоисточникам, авторским изложениям концепций, сколько к их популяризаторам, используя авторитеты и имена всего лишь в качестве аргументов, призванных подтвердить собственные мысли писателя. В расширении подходов к традиционным литературоведческим темам — работа,

опубликованная П.С.Поповым в 1926/27 годах в лондонском «Slavonic Review», носила название: «Роман „Семейное счастье“ в психогенетическом отношении».

И т.п.

Сохранены и данные о жаловании, получаемом П.С.Поповым в 1920-е годы, неуклонно возраставшем¹⁹. В 1924 году П.С.Попов получал 27 р.60 коп. в месяц. В 1925-м — 32 руб. Осенью 1926-го — 72 руб.

Уже с середины 1920-х годов место службы Попова и многих его знакомых и друзей начало привлекать пристальное внимание надзиравших за идеологией. ГАХН сосредоточила в своем составе квалифицированных ученых, фрондирующую профессуру. Разгром ГАХН был неизбежен. Но арест П.С.Попова был связан, по-видимому, не с местом его службы, а с религиозными идеями и занятиями. 18 апреля 1930 года в связи с активным участием в течении имяславцев был арестован А.Ф.Лосев. Дело №100256 архивы Лубянки хранят до сих пор²⁰. А 10 мая постановление ОГПУ получает П.С.Попов, которому предписывается покинуть Москву в течение семи дней.

Ответ ученого не совсем обычен. 11 мая Павел Сергеевич пишет заявление в коллегия ОГПУ, в котором сообщает, что «семь дней — срок достаточный для моих личных сборов, но по работе моей, касающейся редактирования Юбилейного Первого Полного Собрания Сочинений Л.Н.Толстого», в связи с которым «мне приходится распоряжаться весьма сложным материалом — передать его и ввести в работу соответствующих лиц без ущерба для дела, представляется невозможным»²¹. Мотивировка, явно подразумевающая, что работа в области русской культуры — задача всех, каждого члена общества. Ученый предполагает, по-видимому, что сотрудников ОГПУ не может не заботить то, как именно будут изданы сочинения Толстого, и апеллирует к человеку с тем же уровнем интеллектуального и духовного развития. Нельзя не вспомнить нелепую реплику героя булгаковской пьесы «Бег», приват-доцента Голубкова, очутившегося в контрразведке. «Вы же интеллигентные люди!» — воскликнет этот наивный человек.

Дирекция ГАХН вынуждена откликнуться на действия ОГПУ. В конце июня Попов получает извещение о том, что постановлением ГАХН от 24 июня он снят с учета, так как его работа «в основном не носит научного характера»²². Эту формулу, по сути заменяющую собой совсем иные обвинения, Попов также принимает буквально и отправляет заявление в апелляционную комиссию, перечисляя свои работы (об учении Эпикура об абсолютном пороге, о теории восприятия Аристотеля, о теории иронии у Зольгера и т.д.), и настаивает на своем праве состоять в секции научных работников ГАХН²³.

IV информационный отдел ОГПУ, занятый расследованием дела об «Истинно-православной церкви», 30 июня 1930 года выносит постановление произвести «разработку и опрос» арестованных деятелей религиозного движения и ходатайствует перед ЦИК СССР о продлении срока дознания по делу №100256 до 30 июля 1930 года. «Разработка и опрос» означали новые аресты²⁴.

13 августа П.С.Попов пишет академику П.Н.Сакулину. Первую половину письма занимают дела — хлопоты и проблемы, связанные со сдачей очередного тома Л.Н.Толстого (с «Анной Карениной»), и лишь в последних строках появляется «личная просьба»: «Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы сочли возможным подтвердить написанное мною, поскольку Вы являетесь членом

Толстовского редакторского комитета, по заданию которого я работаю, и, кроме того, знаете мои последние работы по Толстому и Достоевскому»²⁵. 28 августа 1930 года академик Сакулин (буквально за несколько дней до смерти — он умер 7 сентября) отвечает Попову, пытаясь объяснить приват-доценту, что дело вовсе не в качестве его статей: «Постановление комиссии исходило не из соображений научного характера, а из каких-то иных соображений... для успеха дела нужно налегать не столько на доказательства „научности“ ваших работ, а идти по какой-то другой линии... важно было бы получить бумагу от Бонча». Связи с еще влиятельным в те годы старым большим Бонч-Бруевичем Павел Сергеевич сохранял (существует объемная переписка Попова с Бончем в связи с многочисленными издательскими работами Попова), что, по-видимому, Сакулину было известно. «Затем очень желательно было бы получение какого-либо документа, удостоверяющего Вашу общественную работу...»²⁶ — советует Сакулин. Но в это время Бонч-Бруевич находится за границей, и связаться с ним Павлу Сергеевичу, по-видимому, не удастся. Тем не менее в начале ноября 1930 года — судя по деловому письму Попова к комментатору Л.Н.Толстого Срезневскому, датированному 4 ноября²⁷, — он все еще в Москве.

Последний документ, сохранившийся в «Личном деле» П.С.Попова, датирован 5 марта 1930 года и подписан президентом ГАХН П.С.Коганом: «На основании постановления Президиума ГАХН от 22 февраля 1930 г. отчисляются с 1 марта П.С.Попов и А.Г.Левенталь»²⁸.

Был Попов невысокого роста, щуплый, всегда причесанный на прямой пробор (что хорошо передают фотографии), не обладающий бойцовским темпераментом, интеллигентный, воспитанный, порядочный человек²⁹. Между тем, соединение этих качеств приводило в России (почти во все ее времена) к поступкам мужественным и трудным, порой — рискованным. И этот негромкий человек не избежал обысков и допросов. Никакие бумаги и авторитетные ходатайства от ареста ученого не спасли.

По сведениям А.М.Шуберт, Попов был арестован в 1930 году и провел на Лубянке в одиночном заключении шесть месяцев³⁰. Но А.А.Тахо-Годи полагает, что арест произошел годом позже, уже в 1931-м. «В его квартире сначала устроили только обыск, после которого Попов скрылся. В справке зампреду Г.Ягоде Запорожец, зам.начальника специального политического отдела ОГПУ 16 сентября 1931 года пишет, что жена Попова, А.И.Толстая, „делала попытки поместить его в частную психиатрическую лечебницу, на основании его заболевания якобы манией преследования“»³¹. Вот, может быть, с чем связаны страницы начатого Булгаковым в 1929 году романа «Мастера и Маргариты», посвященные «клинике профессора Стравинского», давшей успокоение и приют больному поэту, который станет учеником Мастера!

Во всяком случае, 7 марта 1931 года Попова допрашивают в ОГПУ. «...интересовались, с кем из иностранцев он знаком. Агентурные сведения дали материал о том, что П.С.Попов и его кузен Д.И.Щепкин через чешское посольство отправили за границу документ о гонениях на церковь и веру в СССР. Сам Попов поддерживал связи с представителем Чехословакии, был знаком с Мельгуновым, приехавшим в качестве эмигрантского эмиссара из Парижа в СССР. <...> Плохо было и то, что Попов знаком был и с профессором Кизеветтером (опять-таки из Праги), которого выслали из Союза в 1922 году; знал он

профессора Р.Виппера (а это уже Рига), что вполне естественно. Тот был профессором Московского университета; знал и Бердяева, а это совсем плохо, ибо Бердяев выслан в 1922-м и живет в Париже <...>. Видно, что П.С.Попов допрашивающих не удовлетворил...»³².

25 апреля 1931 года снова допрос. Задают вопросы по поводу его контактов с арестованным А.Ф.Лосевым. Павел Сергеевич «отрицал связь с арестованными, „по донесению агентов“, в камере держался твердо»³³ и был выделен из общего дела (по которому проходило 48 человек), освобожден из-под стражи и выслан из Москвы сроком на три года.

Приговор по делу №100256 был вынесен в сентябре 1931 года, 33 человека получили годы лагерей. Т.А.Аксакова-Сиверс вспоминала: «Осенью 1931 года мы узнали, что кроме „—6“ бывает (правда, очень редко!) высылка „—1“. Столь мягкому виду репрессии (после долгого пребывания на Лубянке, совершенно расшатавшего его нервную систему) был подвергнут муж Анны Ильиничны Толстой — Павел Сергеевич Попов. После обмена письмами в один прекрасный день перед домом на Мойке, 91 остановился извозчик, на котором сидели „Толсто-Поповы“, держа на коленях пишущую машинку, орудие их производства (они оба работали по заданиям Толстовской Юбилейной комиссии). Оказавшись растяжимой, наша комната вместила приехавших ссыльных москвичей (хотя Аночка была в добровольной ссылке — „минус“ ее не коснулся)»³⁴.

Совсем недавно точно не было известно, за что именно был выслан Попов. Версий было несколько. Высказывалось предположение, что Попов мог быть обвинен в связи с кружком Флоренского. Еще одну версию предложил Никита Ильич Толстой, рассказавший мне, что, по семейным воспоминаниям, Попов собирал и хранил документы о гонениях на церковь: «И когда пришли с обыском, Аночка, проявив чудеса находчивости и самообладания, сумела губящие мужа бумаги то ли спрятать, то ли уничтожить. Но об этом эпизоде ни П.С.Попов, ни А.И.Толстая вспоминать не любили»³⁵. Характерно как многообразие возможных обвинений, так и то, что они — в большей или меньшей степени — подтвердились. Ясно, что человек не «мог попасть» на Лубянку, а скорее просто не мог туда не попасть, — так густо была раскинута сеть ОГПУ в годы великого перелома. Замечу в скобках, что три года назад (осенью 1994-го), члены семьи Толстого все еще не были реабилитированы³⁶.

Время не способствовало общению людей, учило подозрительности, поощряло замкнутость. Напомню, что в пьесе Эрдмана «Самоубийца», написанной, но так и не пропущенной на сцену в начале 1930-х, герой осмеливается сказать о том, что его волнует, — ночью, жене, шепотом и под одеялом. «Вы не представляете себе, как мы жили... Мы не могли позволить себе роскошь иметь записную книжку с телефонами... Мы дарили друг другу книги без надписей...» — свидетельствовала А.Ахматова³⁷. Уже писалось о том, что появился новый вид мужественного поведения: здороваться при встрече, писать и хранить ответные письма, продолжать ходить в гости в дом, откуда увели хозяина. Попов и ходил в гости, и хранил в своем архиве не только письма Булгакова (уничтоженные многими из его корреспондентов), но и опальные вещи писателя, не одобренную лично Сталиным пьесу «Бег», Снятого — по его же указу со сцены МХАТа после семи представлений — «Мольера». Рукопись пугавшего гостей

при домашнем чтении до состояния «окоченения» романа «Мастер и Маргарита»...

Похоже, что это и составляло пафос его жизни: он был Хранителем. Он сохранил и бумаги отцовского архива, земского деятеля, не просто «богатого купца», как еще недавно не без оттенка снисходительной презрительности сказали бы о нем, а культурного, образованного человека, бескорыстного деятеля русского земства, уже в советское время не случайно служившего «ученым библиографом» в стенах Государственной Академии Художественных наук. Им сохранены и полотна Любови Поповой³⁸. А для того, чтобы сохранять — прежде всего нужно уметь оценить. Оценить талант, достойный всяческих забот и попечений, в полотнах и графике родной сестры-авангардистки, что, вполне возможно, консервативному Павлу Сергеевичу могло быть и чуждым. Увидеть масштаб гениальности в первых же вещах молодого литератора Булгакова. В частности, прочесть глубинное родство булгаковских «Дней Турбиных» — с произведениями Диккенса. Связь, ощутить которую для нас стало возможным лишь много десятилетий спустя, когда остыла лава кипящих в середине 1920-х споров вокруг «апологета белогвардейщины» Михаила Булгакова.

В 1931 году из Москвы выселяют отца П.С.Попова — через три года (4 июня 1934-го) он умирает. В 1936-м выселяют из столицы и сестру, Ольгу Сергеевну (из-за ее «непозволительных контактов» с эмигранткой, навевывавшейся в Москву артисткой В.Ландовской). В 1937-м происходит арест и ссылка в дальние лагеря брата, музыковеда Сергея Сергеевича — в 1938 году он будет расстрелян, но об этом семья не будет знать еще долго.

Сами же Толсто-Поповы, напротив, в 1936 году обласканы властями: они переезжают в правительственный дом на Арбате, 45 (квартиры получают все Толстые³⁹) — в связи с приближающимся пушкинским юбилеем, празднование которого в 1937 году в стране пройдет с необычайным размахом.

Личный опыт впечатывался в научные работы Попова. Так, в юбилейном Вестнике Академии наук СССР (1937) выходит его статья «Пушкин как историк». Автор размышляет об исторических воззрениях поэта, ставя под сомнение распространенную тогда в среде пушкинистов точку зрения об «ограниченности» и «несамостоятельности» пушкинской трактовки событий как «дворянского мыслителя». Ученый начинает с предположения, что «Пушкин, боясь быть заподозренным, первоначально явно маскировал свой интерес к пугачевщине и прикрывал его проектом работы о фельдмаршале Суворове. В письме Пушкина 7 февраля 1833 к гр.Чернышеву по поводу документов о Суворове, находящихся в архивах Главного штаба, довольно неожиданно на первом месте стоит „Следственное дело о Пугачеве“». Далее Попов развивает эту мысль: «Историки до сих пор, думается, недостаточно учитывали, что многое Пушкин принужден был прикрывать, маскировать: его собственная точка зрения, несомненно, нивелировалась при мысли об отношении официальных кругов к его труду и теме его»⁴⁰. Мысль, многое объясняющая в неадекватном восприятии личности самого Попова, начиная от известной остроты Шпета, назвавшего Павла Сергеевича «скукиным сыном»⁴¹, до оценок людей, работавших вместе с ним в более поздние, но ничуть не более «вольные» 1940—1950-е годы.

В разговоре со мной (22 октября 1981 года) один из тех, кто преподавал вместе с П.С.Поповым в начале 1960-х на философском факультете МГУ, советский эстетик с «именем», оценил ученого весьма сдержанно и скептически: «ничем не блистал», «никогда не был звездой первой величины». А.А.Тахо-Годи, вдова А.Ф.Лосева, была еще резче: «Как я понимаю этого человека, он всегда испытывал необходимость к кому-то „прислониться“, в нем отсутствовала самостоятельность мышления»⁴².

В частных посланиях Булгакову литературный слог Павла Сергеевича безупречен; пленяют изящество, остроумие и глубина суждений — в частности, мысли о Гоголе и влиянии его поэтики и литературных приемов на творчество Л.Толстого, наблюдения над структурой «Мертвых душ» и полемичность рассуждений о том, возможно ли вообще числить Гоголя по «натуральной школе», как то некогда сформулировал Белинский. Письма Попова к Булгакову и, конечно, обратные, дают и представление о среднем уровне образованности достаточно широкого слоя русской интеллигенции. В письмах двух кончивших университетский курс друзей обращает на себя внимание, в частности, свобода «смены языков» (оба цитируют латинские фразы и прибегают к французским оборотам речи; Попов упоминает о своих переводах с древнегреческого и о прочитанных по-немецки книгах, в то время как Булгаков занят переводом с английского «Виндзорских проказниц» Шекспира, и т.д.). Именно в дружеской беседе проявляются ценнейшие качества этой натуры: отзывчивость и полнота понимания, образованность и широта кругозора, легкость пера и юмор.

Приведу лишь небольшой фрагмент письма Павла Сергеевича М.А.Булгакову, посвященного темам вполне будничным. Из Ясной Поляны — в Москву 21 марта 1935 года:

«... Встаю я в восьмом часу утра и со свежими силами, оформив себя весьма поверхностно, сажусь за Платона... К 11 часам... Аночка поднимает хлопоты о кофе. Кофе выпито. <...> Тут обычно являются визитеры.

Третьего дня пришла старуха. Цель ее приезда была тройкая — всучить под видом подарка яйца, взав с них втридорога, но не разрушая иллюзии подарка, выхлопотать мужу персональную пенсию и, кстати, наркомовский паек и посплетничать. Все это объединяется салонным подходом к делу и умением сразу говорить на все три поставленные темы. Первая цель достигается сразу, старуха только выражает удивление, как это она дома приготовила 9 яиц, а принесла только 8. Получив, однако, и за оставленное дома яйцо, она думает, что так же легко получить персональную пенсию ввиду того, что ее муж 30 лет тому назад служил у Толстых дворником, даже 2—3 раза садился на козлы, а вот Адриан Павлович, кучер Льва Николаевича, получает же пенсию. Аргумент, что нужно было бы служить и в советское время, для нее недействителен. Вперемешку с другими фразами она успевает 8 раз сказать (я считал по пальцам из соседней комнаты) „а может быть, Вам какнибудь и удастся, Вы уж похлопочите, я вот только одного яйца не донесла“, — концовка, впрочем, варьируется. Третья тема — посплетничать. Основной мучающий ее вопрос: почему у А.И. есть дети от первого мужа, а нет от второго. Я покашливаю из соседней комнаты, но старуха, сев на своего конька, не унимается. Затем, проговорив битый час, она салонно комкает все три вопроса в один, проронив: вы уж похлопочите, я яйцо донесу, так ведь муж-то у вас молодой, — и, делая вид, что последнее, даже взятое в ее контексте, звучит более чем комплиментом, уходит.

Я начинаю уговаривать идти скорее на лыжах или в большой музей играть на рояле»⁴³.

В биографии же Булгакова, написанной Поповым, будто деревенеет язык и окостеневаает стиль. Физически ощущаешь тот груз ответственности, который давил на автора, не могущего не принимать во внимание множества преходя-

щих обстоятельств. Биография писалась в 1940 году с надеждой на ее немедленное опубликование. Сталину оставалось еще 13 лет жизни и власти.

* * *

Несколько лет назад в печати появилось обвинение, высказанное вдовой А.Ф.Лосева, А.А.Тахо-Годи, в том, что будто бы Попов был автором доноса, из-за которого Лосев лишился кафедры в Московском университете. Аргументов представлено не было, и я решила встретиться с Тахо-Годи. Но и при встрече (5 сентября 1994 года) Аза Алибековна не привела никаких доказательств, способных подтвердить обвинение, упомянув лишь, что пишет книгу о А.Ф.Лосеве, где «обо всем будет рассказано». Теперь книга вышла, но и в ней ни одного компрометирующего Попова документа не появилось, хотя недоброжелательные интонации звучат неоднократно⁴⁴. Напротив, факты, приводимые Тахо-Годи на страницах книги, свидетельствуют об обратном — «твердом» поведении Павла Сергеевича на допросах, его нежелании «перестраиваться» в ущерб собственной карьере, и т.д.

Мои же аргументы в пользу незапятнанной репутации ученого опираются на весомую поддержку академика Никиты Ильича Толстого и замечательного историка и филолога Якова Соломоновича Лурье (к несчастью, обоих ныне уже нет в живых). Это, во-первых, жизнеповедение Попова по отношению к Булгакову и его архиву, хранить который значило идти на сознательный и немалый риск. Н.И.Толстой приводит еще более весомый аргумент в защиту ученого, говоря, что Павел Сергеевич был не просто верующим, а истово верующим человеком, в котором мелочное честолюбие, житейская корысть, готовые прибегнуть к такого рода поступкам, исключались.

* * *

В конце 1940-х — в 1950-е годы Попов читал лекции от общества «Знание» и какое-то время даже возглавлял кафедру логики в Московском университете. Известно, что Сталин в то время повелел уделять логике особое внимание, и в МГУ была создана специальная кафедра, а на ее преподавание отведено 2000 часов.

Попов начал «заведовать кафедрой логики в 1947/48 учебном году. Однако уже 23 марта 1948 года министр высшего образования СССР С.В.Кафтанов издал приказ №361 специально о логике в МГУ. В нем Попову предлагалось «решительно перестроить преподавание логики» и звучало предупреждение: «Если к концу текущего учебного года П.С.Попов не обеспечит перестройку работы кафедры и не ликвидирует формализм в преподавании логики, то он будет освобожден от заведования кафедрой»⁴⁵. Так как Павел Сергеевич поворот «все вдруг» всю жизнь исполнять не умел, да и членом партии никогда не был, то кафедре быстро утратил, пробыв в «начальниках» над логикой, временно назначенной царицей всех наук, всего несколько месяцев. По свидетельству Н.И.Толстого, он не был честолюбив, и потерю перенес философски, не драматизируя случившееся. Да и профессору ему оставили.

Кроме того, и на виду ему было находиться неудобно, так как был Павел Сергеевич верующим, церковь посещал всегда, в любые времена и, случалось, имел из-за этого служебные неприятности. (Н.И. Толстой вспоминал случай, когда спасенный П.С.Поповым ранее грузин-атеист Панцхава спас в свою очередь П.С.Попова, сообщив — когда тот в очередной раз был замечен в церкви, — что это по его поручению Попов ходил на богослужения для работы над неким антирелигиозным трудом. К слову сказать, свою обширную библиотеку, с любовью собираемую всю жизнь, Павел Сергеевич завещал философскому факультету МГУ. Судьба ее сегодня неизвестна, кроме того, что отдельного фонда из нее образовано не было.

К концу жизни Павла Сергеевича уже работали А.Зиновьев и М.Мамардашвили, А.Пятигорский и О.Генисаретский, складывалась московская методологическая школа, в профессию входили талантливые выпускники философского факультета середины 1950-х годов — Э.Ильенков и Э.Юдин, получал распространение системный анализ и проч. Попов доживал свой век на фоне ярких молодых «звезд», новой когорты мыслителей, так и не состоявшихся в качестве ученого и не сумев оставить заметный след в философской науке.

Пречистенский круг московской профессуры составил «изытое» поколение российских интеллигентов, отсутствие которого не могло не сказаться в историко-культурной жизни России второй половины XX века. Это была та самая, систематично уничтожаемая плодоносная «почва», которая одна только и могла послужить основой и залогом появления будущей отечественной интеллектуальной элиты. Дело даже не в том, что «философы с Пречистенки» были крупными, оригинальными умами, способными оставить после себя новые философско-эстетические концепции и системы. Сегодня трудно судить, время ли мешало свободному философствованию (корабль с российскими философиями, напомним, утлыл еще в 1922 году), сами ли индивидуальности проявлялись так, а не иначе. Но одно можно сказать с уверенностью: это были люди высокообразованные, с широким кругозором, серьезно и всесторонне начитанные — причем на всех «основных» европейских языках, а не на одном лишь родном (что спустя тридцать лет стало не только возможным, но и чуть ли не «нормальным» для среднего советского гуманитария). Поколение гуманитариев 1950—1960-х, лишенное этих «опор» — в качестве преподавателей вузов и авторов историко-теоретических и литературно-художественных журналов, специалистов различных гуманитарных отраслей знания, вынуждалось к доморощенным изобретениям велосипедов.

М.Мамардашвили принадлежит мысль о том, что «эффективность идеологии измеряется степенью разрушения поля, в котором возможна кристаллизация мысли»⁴⁶. Судьбы, подобные судьбе П.С.Попова, дают образец каждодневного сопротивления диктату среды, упорства индивидуального противостояния, инстинктивно борющегося за сохранение и расширение пространства мыслящего индивида.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письма П.С.Попова к М.А.Булгакову (1928—1939). Публ. В.В.Гудковой. — В кн.: Творчество Михаила Булгакова. Исследования и материалы. Кн.2. СПб., 1994. С.283—338.

2. Попов П.С. Биография М.А.Булгакова. 1940 г. — В кн.: Михаил Булгаков. Письма. М., 1989 С.535—544.
3. Попов С.М. Автобиографические записки. ОР РГБ. 547.9.2.
4. «П.С.Попов очень тонкий человек, получивший блестящее светское воспитание, — рассказывает 27 января 1994 г. Н.И.Толстой. — Из студентов-белоподкладочников. До революции успел посмотреть мир, побывал в Италии, Греции, и т.д. Греческим языком владел прекрасно, много переводил с него. Ученик Челпанова, после войны переиздал его учебник. У него тоже были ученики, их, я думаю, еще можно отыскать в университете на кафедре философии и сегодня».
5. Тахо-Годи Аза. Лосев. М., 1997. С.212
6. Часть архива Л.С.Поповой хранится в ОР РГБ. 547.9.20.
7. Личное дело С.М.Попова. РГАЛИ. 941.10.493.
8. См. об этом в материалах ОР РГБ. 547.8.1.
9. Попов П.С. Философия романтизма. ОР РГБ. 547.4.32.
10. Тахо-Годи Аза. Указ.соч. С.109.
11. Там же. С.111—112.
12. РГАЛИ. 941.10.493.
13. Там же.
14. Шуберт А.М. Биография Попова П.С. ОР РГБ.547.8.2.
15. «Первым мужем А.И.Толстой был аристократ, швед Хольмберг, чьи обрусевшие предки с незапамятных времен жили в России. У А.И.Толстой было двое детей, но один рано умер Второй, Сергей, во время войны попал в немецкий плен, но умер своею смертью, после матери. Аночка Толстая обладала характером энергичным, воинственным, бесстрашным, когда помогала людям, страха не знала. Напротив, боялись ее и ее напористых хлопот. В двадцатые годы отсидела на Лубянке (по ее собственным словам, в „показательной тюрьме“). Дочь второго сына Л.Н.Толстого, старшая внучка писателя. Она ездила в Прагу, к своей матери — та вывезла за границу всех своих детей, кроме Анны Ильиничны, которая уезжать из России не захотела. Все четыре ее брата дрались с большевиками в рядах белой армии, двое погибло, двое — остались в живых. Это — Сербские Толстые. Спасала людей, очень много сделала через Бонч-Бруевича, когда он еще имел определенное влияние (как один из немногих уцелевших старых большевиков). В другие времена защищала племянников Пушкина, ходила к Булганину, вытаскивая их из армии.
Умерла А.И.Толстая на 65-м году жизни». (Из беседы с академиком Н.И.Толстым 27 января 1994 г.)
16. Регистрация брака П.С.Попова с Анной Ильиничной Толстой в загсе состоялась лишь 5 апреля 1932 года. ОР РГБ. 547.8.1.
«Это была странная пара, — вспоминала позже Ксения Богаевская, — изящный, тонкий, франтоватый молодежавый брюнет, изысканно воспитанный и — полная, грузная, с крупным мясистым красным лицом, грубым хрипловатым голосом, простая и добродушно-фамиллярная со всеми матрона.
Это сочетание всегда вызывало у меня удивление. Однажды Анна Ильинична пришла к Цявловским в Татьянин день с гитарой. Оказалась она любительницей цыганских романсов и песен. И что это было за пение!... Мягкий, задушевный лиричный голос, а моментами — бурный цыганский темперамент. Никто лучше ее не пел — „Калитку“. В упоении от ее исполнения, я обводила глазами лица восхищенных слушателей — и вдруг увидела лицо Павла Сергеевича, озаренное светом любви и восторга, — тут я поняла истоки его чувства к А.И.» (Богаевская К.П. Из воспоминаний. — Новое литературное обозрение. 1996. №21. С.124).
17. «...ведь наш подвальчик Миша использовал для описания квартиры Мастера. А завал книгами окон, крашенный пол, тротуарчик от ворот к окнам — все это он перенес в роман...» — писал 27 декабря 1940 года П.С.Попов вдове М.А.Булгакова Е.С.Булгаковой. Цит. по кн.: Михаил Булгаков. Письма. С.533.
18. Попов П.С. Заимствованный сюжет в «Братьях Карамазовых». ОР РГБ. 547.2.5.
19. РГАЛИ. 941.10.493.
20. Тахо-Годи Аза. Указ.соч. С.113.
21. Заявление П.С.Попова «В Коллегию ОГПУ». Слово Коллегию зачеркнуто, сверху подписано: «прокурору». ОР РГБ. 369.319.46. В архиве ГПУ-НКВД-КГБ-ФСБ хранится «Следственное дело» П.С.Попова, которое, к сожалению, к моменту сдачи статьи оставалось недоступным для изучения. Без сомнения, будучи опубликованным, оно прольет дополнительный свет на конкретные обвинения, инкриминировавшиеся Павлу Сергеевичу.

- 22 РГАЛИ. 941.10.493.
 23 ОР РГБ. 369.319.43.
 24 *Тахо-Годи Аза*. Указ.соч. С.138.
 25 РГАЛИ. 444.1.692
 26 Цит.по вступ. ст. *М.Чудаковой* к публ. М.Чудаковой и В.Гудковой «Глава из романа и письма». — *Новый мир*. 1987. №2. С.144.
 27 РГАЛИ. 436.1.2881.
 28 РГАЛИ. 941.10.493. Распоряжение по ГАХН №105.
 29 Хорошо знавшая и понимавшая мужа А.И.Толстая-Попова писала 5 мая 1940 года Е.С.Булгаковой: «Вчера он чувствовал себя затерянным среди важных и надменных орденосцев, но, по-видимому, барахтался и что-то возражал и пояснял так, чтобы заступиться за произведение и за то, чтобы представить <...> все произведения, без безапелляционного выбора их членами комиссии. И что за тон? Ох, я бы с удовольствием спросила, откуда этот тон?» (речь идет о заседании Комиссии по литературному наследству Булгакова, прошедшем накануне. — *В.Г.*) Цит.по кн.: *Михаил Булгаков*. Письма. М.,1989. С.528.
 30 *Шуберт А.М.* ОР РГБ, 547.8.1.
 31 *Тахо-Годи Аза*. Указ.соч. С.138.
 32 Там же. С.144.
 33 Там же. С.138—139.
 34 *Аксакова Т.А.* Дочь генеалого. Публ. Л.Остроумова. — В кн.: *Минувшее*. Исторический альманах. М., «Прогресс—Феникс». 1991. Вып.4. С.62.
 35 Из беседы с Н.И.Толстым 27 января 1994 г.
 36 *Известия*. 26 августа 1994 г.
 37 *Ардов Михаил*. «Не „поэтесса“ — поэт!» Из бесед с А.Ахматовой. — *Литературная газета*. 4 января 1989 г. С.5.
 38 В архиве Вс.Мейерхольда сохранилось письмо к П.С.Попову, в котором режиссер предлагает отдать в музей театра материалы Л.С.Поповой (по «Великодушному рогоносцу», «Земле дыбом») и параду войск на Ходынке). В ответном письме П.С.Попов благодарит за лестное предложение и обещает вскоре передать в дар музею театра *копии* работ сестры, сообщая, что подлинники в данное время находятся на берлинской выставке.
 39 Н.И.Толстой рассказывал: «В 1945 году родители Н.И.Толстого вернулись в Россию, и с этого времени я знал семью Поповых. Месяца три мы жили у них, и по всей квартире были развешаны полотна Любови Поповой — в кухне, в ванной — повсюду. Тете Аночке они не нравились, говорила „мазня“. Хранил же их бережно П.С.Попов, позже передавший их в коллекцию знаменитого Костяки.
 Все это было в доме в Плотниковом переулке, куда Поповы въехали в связи с пышно отмечавшимся в стране пушкинским юбилеем. На одной лестничной клетке с семьей Попова жила внучка Пушкина, Анна Александровна, сестра ее няни была няней Сталина. И няня Анны Александровны встречалась с сестрой только в другом месте, чураясь возможного контакта с правителем».
 40 *Попов П.С.* Пушкин как историк. — *Вестник АН СССР*. М.—Л.,1937. №2—3. С.129—130, 144.
 41 Шпет в Сибири: ссылка и гибель. Томск, 1995. С.233.
 42 Беседа с А.А.Тахо-Годи на кафедре классической филологии МГУ 5 сентября 1994 г.
 43 П.С.Попов — М.А.Булгакову. Цит.по кн.: *Творчество Михаила Булгакова*. Исследования и материалы. СПб.,1994. С.326—327.
 44 См., например: *Тахо-Годи Аза*. Указ.соч. С.213—214. О проблеме взаимоотношений П.С.Попова и А.Ф.Лосева см. также: «Так истязуется и распинается истина...». А.Ф.Лосев в рецензиях ОГПУ. — «Источники». *Вестник архива Президента Р.Ф.* 1996. №4(23). С.115—129.
 45 *Тахо-Годи Аза*. Указ.соч. С.213.
 46 Цит.по ст.: *Сенокосов Ю.* Закон инакомыслия. — *Мамардашвили М.* Здесь и теперь: философия, литература и культура. М.,1992. С.85—93.